

Значительно более историчными являются главы о народной музыке (автор М. И. Нигометзянов) и о народном изобразительном искусстве (автор Ф. Х. Валеев). Здесь наряду с показом богатой культуры народного музыкального и изобразительного творчества приводится обильный исторический материал, по которому можно судить об истоках и путях развития не только культуры, но и этнической психики татарского народа.

В рецензируемом труде имеются, на наш взгляд, и некоторые общие недостатки. Мы отмечаем, что книга посвящена изучению традиционной культуры народа, которая сложилась ко времени Великой Октябрьской социалистической революции. Авторы справедливо считают, что характеристике современной культуры должна быть посвящена специальная работа. Тем не менее было бы желательно и в данном исследовании кратко дать некоторые основные изменения в направлении развития культуры народа в настоящее время. К этому обязывает и название книги. Правда, в работе это иногда делается, но очень неравномерно, без единой системы и далеко не во всех разделах. Книга значительно выиграла бы, если бы больше внимания было уделено этногенетическим вопросам, вытекающим из анализа приведенного в книге этнографического материала. Кроме того, описание ряда элементов культуры нередко дается в работе без сравнительной характеристики соответствующих элементов у других народов. Это не дает возможности авторам делать более широкие выводы и обобщения, связанные с происхождением того или иного элемента культуры, и показать культурно-исторические связи татар с другими народами.

Большим недостатком является слабая иллюстративная часть книги. Например, в разделе, характеризующем сельскохозяйственную технику, приведен лишь рисунок сабана (по Лепехину), относящийся ко второй половине XVIII в., а разнообразие традиционные средства передвижения татар не иллюстрированы вовсе. Как известно, в этнографических работах иллюстрации имеют значение не менее важное, чем текст. Обедняет книгу и отсутствие цветных врезок. Этот упрек мы адресуем как авторам, так и издательству, которое часто забывает о специфике этнографических изданий. Никакое самое красочное описание не может передать неповторимого впечатления от татарского национального орнамента, яркости национальных головных уборов, ичегов, различных украшений.

В целом выход в свет книги «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» — крупное событие не только в научной и культурной жизни Татарской АССР, но и всего многонационального Поволжья. Введенный в научный оборот новый обширный материал поможет этнографам, археологам, языковедам, историкам и др. более успешно решать сложные вопросы этногенеза. Книга с большим удовлетворением будет принята и массовым читателем. Знакомясь с книгой, проникаешься чувством глубокого уважения к таланту народа, который, несмотря на века угнетения, создал богатую, самобытную культуру, развил ее лучшие прогрессивные черты и в этих национальных формах строит сейчас социалистическую культуру.

Е. П. Бусыгин, А. Х. Халиков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

«Arbeit und Volksleben», «Veröffentlichungen des Instituts für mitteleuropäische Volksforschung an der Philipps-Universität Marburg/Lahn», Bd. 4, Göttingen, 1967, 442 S.

В сборнике опубликованы доклады, прочитанные на состоявшемся в апреле 1965 г. в Марбурге-на-Лане (ФРГ), конгрессе Немецкого этнографического общества (Deutsche Gesellschaft für Volkskunde).

Из предисловия президента Общества известного западногерманского этнографа проф. Герхарда Хейльфурта мы узнаем, что в конгрессе, помимо ученых ФРГ и ГДР, приняли участие гости из 22 стран Европы, Азии и Америки. Всего в конгрессе участвовало 476 делегатов.

Организаторы конгресса преследовали две цели: во-первых, оживить исследовательскую деятельность комиссий, существующих в рамках общества, и, во-вторых, объединить участников конгресса, работающих в различных областях этнографии и фольклора, общей темой (в качестве таковой была избрана проблема «Значение труда для человеческого общества»).

На конгрессе работало 8 секций. Доклады этих секций составили соответствующие разделы сборника: «Жилище и поселения» (стр. 17—96); «Орудия» (стр. 97—163); «Народное искусство» (стр. 155—205); «Языковедение» (стр. 207—249); «Народная проза»

(стр. 251—302); «Песни и танцы» (стр. 303—342); «Обычай» (стр. 343—374); «Этнография восточных немцев» (стр. 375—398).

Каждому разделу предшествует краткое, подводящее итоги работы сообщение руководителя соответствующей секции.

Сборник открывается докладом Г. Хейльfurта¹, посвященным теоретическим аспектам этнографического изучения трудовой деятельности человека.

Имя Г. Хейльfurта, создавшего ряд фундаментальных работ о социальной и культурной жизни немецких горняков², широко известно в странах Европы. Советские этнографы имели возможность познакомиться с ним на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в августе 1964 г.

Хейльfurт правильно определяет труд как сумму производственных действий, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей человека. Он предлагает комплексное изучение трудовой деятельности, которую этнограф, по его мнению, должен исследовать наряду с пищей, жилищем, играми, языком, нравами и т. д. Следует согласиться с комплексностью исследования анализируемой проблемы, что является одной из лучших традиций мировой этнографической науки, однако нельзя ставить знак равенства между экономическими и этнографическими факторами в отношении их влияния на трудовую деятельность человека, как это делает автор.

Далее Г. Хейльfurт переходит к проблеме культуры, высказывая мысль, что успех в ее исследовании возможен лишь с учетом «эмпирического плюрализма культур» (стр. 3). Из дальнейшего хода его рассуждений видно, что многообразие культур обусловлено различными формами трудовой деятельности, удовлетворяющими разнообразные потребности человека в неодинаковых климатических зонах. Социально-культурные процессы происходят в больших и малых этнических группах, поэтому этническая специфика проявляется в комплексе социально-культурных форм, каждая из которых представляет собой конкретно-историческую познаваемую структуру, созданную деятельностью человека и проявляющуюся в повседневном образе жизни. Основой социальной и духовной истории этой структуры является труд.

Таким образом, Хейльfurт стоит на правильной позиции, беря труд за основу формирования многообразия культуры, понимаемой им как общественное явление, проявляющееся в разнообразных конкретно-исторических условиях. Однако при решении этого вопроса он придает слишком большое значение влиянию физико-географического фактора. Чтобы исследовать фактическую сторону проблемы, Хейльfurт обращается затем к конкретному материалу европейских стран. В частности, он приводит удачные примеры из области семантики европейских языков, многие слова которых обязаны своим происхождением трудовой деятельности. Формирование культуры в процессе труда прослеживается не только в языке, но и в других формах человеческой деятельности и прежде всего в сфере материальной культуры. Г. Хейльfurт отмечает, что социально-культурные процессы связаны с дифференциацией труда, которая особенно усилилась с момента возникновения городского образа жизни в средние века, когда началось разделение профессий в ремесленном производстве.

В эпоху промышленной революции, как отмечает Г. Хейльfurт, началось формирование пролетариата, что повело не только к интенсификации процесса урбанизации, но и к резкому разделению между трудовой деятельностью и домашним бытом. В связи с быстрыми социальными изменениями в жизни рабочих встал проблема свободного от трудовой деятельности времени, к изучению которой обратились социологи, в том числе и этнографы.

К сожалению, Хейльfurт не раскрывает содержания употребляемого им понятия «свободного времени». Между тем самое понимание конкретного содержания категории времени как общественного явления находится в прямой зависимости от способа производства и социально-политической структуры: отсюда и различный подход к данной категории в двух существующих на нашей планете общественно-экономических системах. Особенно наглядно это проявляется на примере свободного времени, усиленное исследование которого в буржуазном мире носит зачастую ярко выраженный утилитарный характер: приспособить сложившуюся структуру времени к нуждам капиталистической индустрии досуга.

Здесь уместно подчеркнуть, что только при социализме задача изучения свободного времени подчинена гуманной цели создания оптимальных условий, способствующих всестороннему развитию личности. Вместе с тем все же следует отдать должное Хейльfurту, считающему основой человеческой деятельности труд, а не досуг, как это делают некоторые современные буржуазные социологи³.

¹ Настоящая работа уже была опубликована в несколько сокращенном варианте. См.: G. Heilfurth, Die Arbeit als kulturalanthropologisch-volkskundliches Problem, «Die Mitarbeit-Zeitschrift zur Gesellschafts- und Kulturpolitik», Hf. 4, 14 Jahrgang, Juli — August 1965, S. 19—32.

² См., например, G. Heilfurth, Glückauf! Geschichte, Bedeutung und Sozialkraft des Bergmannsgrusses, Essen, 1958; G. Heilfurth unter Mitarbeit von Ina-Maria Greverus, «Bergbau und Bergmann in der deutschsprachigen Sagenüberlieferung Mitteleuropas», Marburg, 1967 (см. рец. Л. Г. Барага в «Сов. этнографии», 1969, № 1).

³ См., например, M. Kaplan, Leisure in America. A social inquiry, New York, 1960.

Анализируя трудовую деятельность в связи с ее влиянием на развитие культуры, Г. Хейльфурт останавливается на проблеме отчуждения — одной из стержневых проблем в теории культуры. Как известно, вопрос об отчуждении личности в условиях товарно-капиталистических отношений рассматривался К. Марксом в «Экономико-философских рукописях 1844 г.»⁴. Маркс показал, что отчуждение личности при капитализме проявляется в отчуждении человека от человека, противоположности классовых, групповых, профессиональных и других интересов в буржуазном обществе. Вскрыв глубокие противоречия материального и духовного развития капиталистического общества, он пришел к выводу о необходимости революционной смены капитализма социализмом. Непонимание того, что только социализм создает предпосылки для всестороннего и гармоничного развития личности привело к большим трудностям в разработке вопросов культуры этнографами ФРГ. Современные буржуазные идеологи не отрицают факта отчуждения личности в капиталистическом обществе, но не ищут путей его преодоления. Глубокие противоречия культурно-исторического развития капиталистического общества возможно вскрыть лишь на основе марксистской постановки проблемы отчуждения. А этого как раз и недостает западногерманским этнографам.

Это видно хотя бы из того, что Хейльфурт, разбирая вопрос об отчуждении, считает, что проблема эта была разработана в равной мере Марксом и Гегелем. Ошибочность подобного взгляда не требует особых доказательств. Если Маркс видел возможность революционизирования жизни путем уничтожения экономического неравенства и социального антагонизма, то положения Гегеля в этом вопросе носили объективно-идеалистический характер, и в конечном счете вели к теологии.

Хейльфурт подчеркивает, что в немецкой этнографии очень долгое время игнорировалось изучение труда и связанных с ним проблем культуры, несмотря на усилия, предпринятые отдельными учеными и прежде всего В. Х. Рилем. Последний еще в 1861 г. призывал к исследованию трудовой деятельности для объяснения этнических и культурных различий разных народов. Риль указывал, что «каждый народ трудится на свой лад»⁵ и это проявляется в его характере. Однако мысли Риль так и не получили сколько-нибудь значительного дальнейшего развития.

В последние двадцать пять лет немецкая этнография (прежде всего благодаря уже упоминавшимся трудам Хейльфурта) стала постепенно приближаться к проблеме изучения рабочего класса, урбанизации, концентрации населения в городах. Довольно большое распространение получило изучение работников отдельных профессий, что повело к образованию специальной направленности в этнографии — изучению профессиональных групп (Berufskunde). Поворот к городам и промышленности объясняется тем, что большинство населения Германии занято в сфере индустриального труда, ведущего к созданию сложной социально-профессиональной структуры.

Какое же место отводится этнографии, когда дело касается изучения народов современных промышленно-развитых стран? По мнению Хейльфурта, и в развитом индустриальном обществе остаются задачи этнографического исследования проблем труда. Этим он признает, что трудовая деятельность является одной из проблем современной этнографии.

Г. Хейльфурт несомненно является сторонником применения в этнографии социологических методов. Однако из его доклада (равно как и из других материалов настоящего сборника) нельзя составить представление о том, насколько широко используются в немецкой этнографии статистические данные и математические методы, моделирование, теория игр и операций и другие специальные процедуры, присущие современному конкретно-социальному исследованию. Следует отметить, что многие из затронутых в докладе Хейльфурта вопросов разрабатывались в советской литературе уже в 20—30-х годах, а также и в последние годы. Однако из доклада создается впечатление, что автор совсем не знаком с работами советских ученых по этой проблеме.

Первый раздел сборника посвящен одному из наиболее исследованных в немецкой этнографии элементов материальной культуры — жилищи и поселениям.

В нем опубликованы доклады В. Хаарнагеля (ФРГ) «Тип хозяйства и трудовая жизнь в раннеисторическом поселении Феддерзен-Вирде», Г. Эйтцена (ФРГ) «Типы крестьянского дома и их связь с формой хозяйства», К. Баумгартена (ГДР) «Старые лачуги сельскохозяйственных рабочих в Мекленбурге», Г. Шилли (ФРГ) «Жилые постройки в поселках стеклодувов Шварцвальда периода 1600—1900 гг.», И. Ланге (ФРГ) «Формы и эволюция торняцкого дома с момента его возникновения до наших дней», В. Заге (ФРГ) «Влияния на образование типов бюргерского дома», Г. фон Шёнфельдта (ФРГ) «К вопросу об образовании более современного типа крестьянского двора в период изменений форм сельского труда и хозяйства».

В докладах затронут целый ряд интересных для исследователя жилища вопросов — о времени возникновения типов жилищ, сохранившихся до наших дней; о фак-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 362.

⁵ W. H. R i e h l, Die deutsche Arbeit, Stuttgart, 1883, S. I.

⁶ Следует отметить, что эта проблема стоит и перед советскими этнографами. См.: С. А. Токарев, О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран, «Сов. этнография», 1967, № 5.

торах, влияющих на возникновение той или иной формы жилища; о взаимовлияниях сельских и городских построек; вопросы современного строительства и др.

В сообщении руководителя секции известного немецкого этнографа проф. Шира (ФРГ), после краткой характеристики предшествующих направлений и методов в исследовании жилища, говорится о том, что проблему «жилище и труд» можно решить, рассматривая ее с двух сторон — во-первых, дом как продукт труда (исследование строительных приемов и т. д.) и, во-вторых, дом как рабочее место. Проф. Шир отмечает слабую изученность второго аспекта проблемы из-за неразработанности методов исследований, хотя все же появился ряд работ о жилище стеклодувов, горняков, сельскохозяйственных рабочих и др.

Как видим, немецкие этнографы ищут новые пути и методы исследования, признавая, большое влияние трудовой деятельности человека на формы жилища. Отмечая, что все крупные явления из области народной материальной культуры составляют не изобретение одного народа, а плод труда нескольких этнических общностей (стр. 19), проф. Шир приводит, однако, примеры, которые невольно заставляют нас вспомнить о старых, изживших себя теориях («племенной», «гребнеровских «культурных кругов»). Так, сходство формы амбара в различных районах Европы (от Скандинавии вплоть до северо-западных районов Испании) он объясняет почти исключительно миграцией культурных явлений. Кто же принес эту форму амбара в Леон и Астурию? Свезы?!

Вопрос о культурных славяно-немецких взаимовлияниях в области к востоку от Эльбы сводится к триаде — восточные германцы — славяне — восточные немцы. Ну а почему бы не заглянуть с помощью археологии и лингвистики и в более отдаленные времена, вместо того, чтобы искать истоки того или иного явления только у древних германцев?

Много интересного читатель найдет и во втором разделе («Орудия»). В докладах В. Хансена (ФРГ) «Создание и цели Комиссии по исследованию орудий труда», А. Люнига (ФРГ) «Полевые исследования орудий в Шлезвиг-Гольштейне», В. Якобейта (ГДР) «Инвентаризация крестьянских орудий труда», Г. Вигельмана (ФРГ) «Пространственный метод в исследовании орудий», Р. Пеша (ГДР) «К вопросу о преемственности трудовых навыков и орудий» рассматриваются главным образом вопросы методики сбора материала, а также проблемы исследования.

Как известно, эта отрасль немецкой этнографии сильно отставала вплоть до 50-х годов XX в. Поэтому понятна забота этнографов ФРГ и ГДР о создании научной базы для исследований и их тревога, что через 10—20 лет безвозвратно исчезнут предметы, которые сегодня еще можно собрать. Отсюда и выдвигание на первый план вопроса о координации деятельности музеев, университетов, научных институтов и других учреждений. Из докладов мы узнаем о полевой работе немецких этнографов, их техническом оснащении, достижениях и трудностях, с которыми они сталкиваются в своей работе. В докладе руководителя секции В. Хансена поставлен важный вопрос об определении задач этнографа при исследовании орудий в отличие от задач историка техники.

Вопросами народного искусства занималась секция, возглавлявшаяся Т. Гебхардом (ФРГ), прочитавшим, кроме того, доклад, посвященный народной мебели. В своем вступительном слове Т. Гебхард попытался провести классификацию разных видов народного изобразительного искусства, выделив при этом творчество профессиональное, самодеятельное и любительское. Он подчеркнул важность для изучения народного искусства проблемы исполнителя и потребителя и констатировал, что до сих пор между наукой и искусством наблюдается глубокая пропасть.

К его вступительному слову непосредственно примыкал доклад Г. М. Ритц (ФРГ), рассмотревшей те произведения стеклодувов, которые выполняются народными мастерами после работы, в свободное время, большей частью на том же рабочем месте и в том же стиле. Для обозначения этой продукции народных мастеров она вводит трудно переводимый термин «Feiertagsarbeit».

М. Бахман (ГДР) рассмотрел отражение горного дела и горняцкого быта в саксонской резьбе по дереву. Он констатирует деградацию этого искусства. В прошлом попытки спасти его не увенчались успехом. В настоящее время в горной Саксонии имеется 4 государственных школы и 70 кружков, в которых обучаются прикладному искусству 750 детей. Горняк—издревле центральная фигура местной резьбы. Наиболее характерные произведения местного искусства — движущиеся макеты, создаваемые семейными коллективами или группами резчиков. В некоторых из них, сделанных из разного материала, свыше 400 резных деревянных фигурок. Интересно, что образы горняков проникают в библейскую тематику, в которой в XIX в. настолько усиливаются местные черты, что волхвы изображаются как горняки. Кроме этого, мастерами изготавливаются вращающиеся пирамиды и люстры, украшенные фигурками, а также висячие светильники. Среди деревянных фигурок, украшающих эти декоративные предметы, редко встречаются ангелы и очень часто горняки в традиционных профессиональных костюмах, образы которых все более осовремениваются.

Доклад К. Писке (ФРГ) был посвящен рассмотрению народной религиозной графики (XVII—XX вв.). Сделана попытка выявить мастеров, дать их характеристику и выяснить соотношение их творчества с народным искусством.

В докладе руководителя секции Т. Гебхарда рассмотрена народная мебель, связанная с определенными трудовыми процессами. Детально анализируется орнамент, укра-

шающий мебель, прослежена связь его истоков с определенными историческими эпохами Т. Гебхард подчеркивает, что развитие народного искусства определяется исторически-ми, хозяйственными и идейными предпосылками.

Работой языковедческой секции руководил Э. Э. Плосс (ФРГ). Общий доклад, введший в круг проблем, дебатировавшихся в этой секции, был прочитан Х. Штегером (ФРГ) и посвящен связи языка с трудовыми процессами. В отдельных докладах рассматривались язык заводских рабочих (Д. Мён, ФРГ), язык эльбских речников (Г. Кеттман), ГДР), язык лесников и лесорубов (К. Кер, ФРГ), наконец, язык алхимиков (Э. Плосс, ФРГ). Все эти очень специальные доклады вместе с тем проливают свет на весь культурно-исторический процесс.

Доклады, посвященные народной прозе, открываются введением Л. Рёрixa (ФРГ), который указывает на то, что тема труда в устной прозе может быть рассмотрена в разных аспектах, чем и объясняются различия в методе и композиции докладов, прочитанных в данной секции. Указывая на явное отрицание устной прозы, Рёрix утверждает, что тема «Рассказы о труде» может иметь главным образом исторический, ретроспективный характер. Тем интереснее, с его точки зрения, культурно-исторические перспективы изучения этой темы. Л. Рёрix указывает, что каждый жанр имеет свое специфическое восприятие и свою трактовку темы труда. Вместе с тем все они связаны со спецификой своего жанра — это народные рассказы, т. е. легенды, сказки и шванки.

Статья Э. Мозер-Рат (ФРГ) дает обзор темы «труд» в народных рассказах. Она показывает все многообразие этой темы и указывает на трудность разграничения традиции и влияния непосредственного трудового опыта.

Доклад Э. Ноймана (ГДР) был посвящен народным рассказам — воспоминаниям о самом трудовом процессе. Нойман связывает появление новых видов повествовательной прозы с отрицанием ее классических жанров. В своем докладе он рассматривает фавулаты, повествующие о случаях, связанных с работой, и показывает разнообразие этих рассказов.

Интересен доклад Г. Вейссера (ФРГ) об отражении в преданиях отношения крестьянской бедноты к труду. Так же как в его диссертации (1954), в которой он использовал более 100 тысяч текстов, все внимание автора направлено на изучение данного социального слоя. Рассматривая разные типы преданий, автор приходит к выводу о положительном отношении крестьянской бедноты к труду как таковому.

К. Хайдинг (Австрия) изучил процесс рассказывания во время работы. По его наблюдениям, сказка живет более активной жизнью в среде батраков, странствующих ремесленников, чем среди крестьян. Он рассматривает виды труда, располагающие к рассказыванию, такие как прядение, обработка перьев и пуха, стирка, теребление льна, прополка, сбор хмеля и др. Он утверждает, что мужские и женские работы сопровождаются разным репертуаром. Рассматривает он и рассказывание при полевых работах, на мельнице, репертуар гончаров, пастухов, лесорубов, строительных рабочих. Он приходит к выводу, что пока существует повествовательная традиция, рассказчики используют каждую возможность рассказывать во время труда и отдыха. С ростом всеобщей нивелирующей культуры угасает индивидуальное творчество и исчезают условия, способствующие рассказыванию.

Секцией, занимавшейся изучением песен, музыки и танца, руководил Р. В. Бредних (ФРГ). Все доклады, прочитанные в этой секции, были посвящены современности.

Э. Клузен (ФРГ) устанавливает в своем сообщении отрицание такого характерно-го для немецкого репертуара жанра как трудовые песни.

Доклад В. Зуппана (ФРГ) как бы продолжает предыдущий доклад и рассматривает возможности музицирования при современных процессах работы, а также стимулирующее влияние музыки, ее роль при организации трудового процесса. Музыка облегчает работу и как бы сокращает этим рабочее время. Он устанавливает, что только на высоких ступенях развития рабочих и песенный ритм соотносится, это отнюдь не свойственно примитивной культуре.

А. Андерлу (Австрия) доложил о видах трудовых песен, бытующих в Альпах.

Э. Штокман (ГДР) рассматривает значение народных инструментов в трудовой жизни народа, их зависимость от характера труда. Особенно детально он рассматривает музыкальные инструменты пастухов и охотников.

Большое внимание отражению процесса труда в обычаях было уделено на секции «Обычаи», где были зачитаны доклады Фр. Зиберга (ГДР) «Связи между трудом и обычаями», К.-З. Крамера (ФРГ) «Начало и окончание работы как основной элемент обычая», И. Вебер-Келлерман (ФРГ) «Трудовые обычаи и праздники молотильщиков» и В. Аренса (ФРГ) «Функция и социальная сила приветствия ремесленника».

И, наконец, в двух последних докладах, опубликованных в разделе «Этнография восточных немцев» (Ostdeutsche Volkskunde) — Г. Шведта (ФРГ) «Труд и социальная интеграция» и Ф. Кринса (ФРГ) «Восточнонемецкие вторжения в Рурскую область до 1945. Приспособляемость и самосохранение в новых рабочих условиях», рассматриваются главным образом социологические аспекты проблемы.

Само по себе чрезвычайно интересное в научном отношении исследование процессов взаимодействия местного населения и переселенцев было, к сожалению, использовано в ФРГ для раздувания реваншистско-шовинистических настроений. Так, в рамках

пресловутого «Остфоршунга»⁷ возникла такая отрасль этнографии, как «Volkskunde der Heimatvertriebenen» (по западногерманской терминологии), т. е. «Этнография изгнанных с родины», и часть этнографов и фольклористов ФРГ оказалась причастной к этому⁸.

В 1952 г. в ФРГ была создана «Комиссия по этнографии восточных немцев», которая вначале занималась преимущественно социологически-этнографическими проблемами, а позднее стала заниматься и фольклорными вопросами. В рамках этой комиссии и были подготовлены указанные доклады.

Доклад Г. Шведта рассматривает проблемы, связанные с переселением немцев в послевоенный период. Однако глубокий всесторонний анализ положения переселенцев в ФРГ автор подменяет анализом терминологии, выяснением отдельных понятий и их соотношением (включение < вживание < интеграция).

В докладе нашли отражение и широко распространенные в ФРГ идеи «классовой гармонии». Оказывается, восстановлением многих фирм в ФРГ промышленники обязаны «привязанности» рабочих к своей фирме, а не капиталам, нажитым на войне этими промышленниками и вкладываемым из-за океана, не эксплуатации рабочих (стр. 385).

Из доклада достаточно ясно, что положение переселенцев в ФРГ до сих пор значительно хуже, чем местного населения (меньший процент окончивших высшую школу, меньший процент среди высокооплачиваемых рабочих и т. д.). Но, судя по докладу, ответственность за это несут, оказывается, не те, кто вместо того, чтобы улучшить положение переселенцев, стремится нажать на их трудностях политический капитал, а союзники большой коалиции, которые, переселив немцев, тем самым якобы их деклассировали.

В целом, несмотря на методологические противоречия, сборник, несомненно, интересен для советского читателя. Нам кажется весьма полезным проведение конференций именно такого типа, когда представители различных отраслей этнографии и фольклора объединяются общей темой. При исследованиях современных процессов совершенно очевидной становится необходимость сочетания этнографических и социологических методов.

⁷ См. «Критика западногерманского «остфоршунга». М., 1966.

⁸ См. журнал «Demos», 1962, № 2.

**Э. В. Померанцева,
И. П. Труфанов,
Т. Д. Филимонова**

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Бартоломе де Лас Касас. *История Индий*, перевод с испанского. Издание, подготовленное В. Л. Афанасьевым, Я. И. Плавкиным, Д. П. Прицкером и Г. В. Степановым. Серия «Литературные памятники». Издательство «Наука». Л., 1968.

Habent sua fata libelli — имеют свою судьбу книги... «История Индий» — основной труд великого испанского гуманиста Бартоломе Лас Касаса, книга, которой он отдал без малого 40 лет жизни, была впервые опубликована спустя 309 лет после его смерти. Три с лишним века покоилась рукопись «Истории Индий» в «хронологической пыли» секретных испанских архивов, о выпуске в свет этой гневной и яростной книги, разоблачающей чудовищные преступления испанских «цивилизаторов», совершенные в новооткрытых землях Нового Света, и мечтать не могли хранители литературного наследства Лас Касаса даже в середине XIX в.

И так уж сложились обстоятельства, что в нашей стране до самого последнего времени этот труд был известен лишь по его испанским и латиноамериканским изданиям и только небольшие отрывки, посвященные первым трем плаваниям Колумба, дошли до советских читателей в русском переводе¹.

Но вот в 1968 г., спустя два года после того, как отмечено было 400-летие со дня смерти неутомимого обличителя испанской колониальной экспансии, «История Индий» увидела свет в русском переводе. Издание это было подготовлено к печати группой высококвалифицированных ленинградских исследователей-испанистов и помимо перевода

¹ Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы, М., 1961, стр. 304—338; 397—422 (перевод автора этих строк).